

М 2006
15466К

ДИАЛОГ С ДЕТСТВОМ

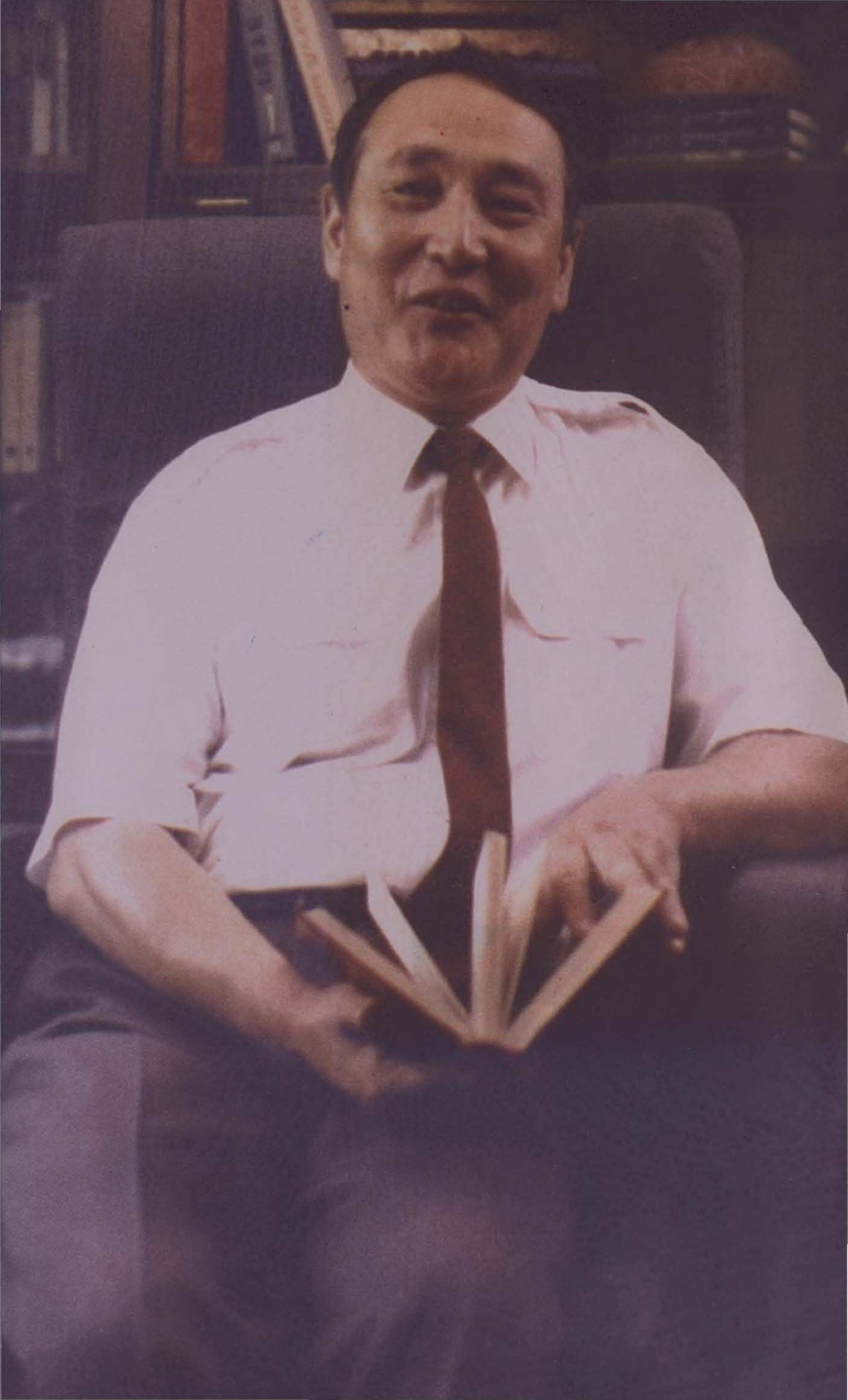
ДУЖЕБАЙ
ДОЖАН

ДУКЕЖБАЙ

ДОСЖАН

Қаз Ақпарат

ББК 84 Каз 7-44

Д 64

**Книга выпущена по программе Министерства культуры,
информации и спорта Республики Казахстан**

Д 64 Дукенбай ДОСЖАН.
ДИАЛОГ С ДЕТСТВОМ. Рассказы и повести.
Алматы: КАЗакпарат, 2005. – стр. 406.
ISBN 9965-643-93-8

Избранные детские рассказы и повести “Диалог с детством” рисуют многоплановую, причудливо слившуюся воедино древность и современность, картину казахской действительности через восприятия детей. Глубоко раскрываются душевные переживаний, противоречий, горечи, огорчений, радости, интересные событий связанных между собой сюжетной единой линией. Линия эта называется – страна детства, про тот счастливый час, которого повернуть нельзя, но вечно хранится в сердце у каждого из нас. Здесь быт и уклад жизни аула, окружающая действительность малыша, первые шаги в большой жизни. В каждом рассказе подобраны индивидуальные краски, ритм, аура детей, позволяющие отчетливо и ясно ощутить описуемые события. Стиль детских рассказов Д.Досжана присущ афористичностью, тончащей иронией, глубиной осмысления мироощущения детей.

ББК 84Каз 7-44

Д 4803250201
00(05)-05

ISBN 9965-643-93-8

© Досжан Д., переиздание, 2005

© Издательство “КАЗакпарат”, 2005

РАССКАЗЫ

ЧАБАН И ЛАСТОЧКА

Я еду в горную долину. Мой конь с трудом взбирается по крутизне перевала. Извилистая тропинка тянется все выше, выше. Гладкие камни блестят на солнце серебром. Потому, наверное, и назвали предки перевал Серебряным. Взберешься на его вершину — сердце к горлу подкатит. Глянешь вниз, в пропасть, — голова закружится и в глазах потемнеет. Вот какая высота!

Вдруг слышится шелест. Я смотрю вверх. Огромный орел парит над моей головой.

Я рад ему, как доброму приятелю. Старый, должно быть, орел. Старый, как эти горы. Я помню его с детства. У него и тогда была облезлая шея. Он так же медленно кружил над летним пастбищем. Дети показывали на него пальцами и дружно кричали:

— Эй, старая ворона!

— Дряхлая ворона!

Орлы не боятся зимней стужи. И не улетают в жаркие страны. И этот не раз обмораживал подкрылья на холодных скалах. Однажды едва не поймали его охотники. Но полюбились ему дремучие утесы Серебряного перевала. С годами еще больше к ним привязался. Никуда не улетает. Стережет родные горы. В этой округе его все знают: и старики, и малыши...

Может, и он знает всех, кто живет здесь, в горах и у подножия гор?

Орел провожает меня до самой долины. Потом машет мне на прощание крылом и круто взмывает ввысь.

Внизу открывается долина. Я вижу серую чабанскую юрту. Стоит одна-одинешенька в бескрайней степи. Издалека она похожа на мерлушковую шапку великана-пастуха из сказки.

Мне чудится, будто зовет юрта, манит: "Эй, путник, заворачивай!" Я подгоняю коня.

Еду, еду, а сам удивляюсь. Со странностями, видать, чабан. Другие пастухи, спасаясь от комаров и слепней, давным-давно откочевали к склону гор. Там много травы. И не так жарко в тени. А здесь пустынная степь. Все вокруг вытоптано

копытами овец. Ни кустика. Ни чахлой травинки. Чуть подует ветер — пыль столбом. И солнце палит нещадно.

Подъезжаю к юрте. Кругом ни души. Только две ласточки с веселым чиликаньем встречают меня. Стоит железная тренога с котлом. Огонь под ним погас. Возле колодца длинное деревянное корыто. И собак не видно. Ушли, наверное, с отарой. Далеко-далеко у холма вьется пыль. Там пасутся овцы. Конечно, пасет эту отару хозяин одинокой юрты.

Слезаю с лошади. Привязываю поводья к седлу. Вхожу в юрту. Здесь темно. Только с потолка, через полуоткрытый деревянный круг, струится свет. Я приподнимаю полог на двери, прикрепляю его к притолоке. В юрте сразу становится светлей.

Юрта как юрта. Простое, скромное убранство. На почетном месте стоят два старых кованных сундука. На них сложены цветастые стеганые одеяла. Посередине низенький круглый столик. Пол застелен кошмой. У входа на стенке висит конская упряжь. На потолке между реечками ласточки свили гнездо. Они носятся взад-вперед. Верещат без умолку. Вольно им здесь живется!

Пожалуй, отдохну с дороги. И конь пусть отдохнет. До аула еще недалеко. Поеду вечером, когда спадет жара.

Хорошо в юрте. Тихо, прохладно. Сейчас полдень.

Любопытное солнышко заглядывает в потолочный круг. В ласточкином гнезде попискивают птенцы.

Издалека, постепенно нарастая, доносится шум. Блеют овцы. Они спешат к колодцу. Слышится зычный окрик чабана, лай собак, потом — приближающиеся шаги.

— Здравствуйте!

Я проворно вскакиваю и, по обычаю, протягиваю обе руки.

— Алейкум салем! — сдержанно отвечает мне хозяин. Да это же дедушка Бекнур! Постарел он, ссутулился.

Согнули годы его некогда крутые плечи. Борода длинная. Виски белые. Глаза ввалились. Лицо в глубоких морщинах.

Я называю себя. Дедушка сразу оживает. Он снимает войлочную шляпу, а круглую тюбетейку под ней передвигает на затылок. Так же не торопясь стягивает пыльные, тяжелые сапоги. Ставит их у порога. Только потом садится на

подстилку рядом, гладит бороду, начинает расспрашивать о здоровье, о делах.

— Ну и ну! — удивленно покачивает он головой.— Еще недавно ты был мальчик с пальчик. А теперь — вон какой джигит вымахал.

— И вы, дедушка, изменились, — говорю я.

О, когда-то дедушка Бекнур вихрем мчался по этой степи! Земля дрожала под копытами его скакуна. Отчаянным был наездником. Никто не мог за ним угнаться. Теперь он стал степенным стариком. Мало говорит, много думает.

Появляется старушка. С утра, видно, собирала хворост. Отряхивает одежду у порога. Вытирает потное лицо. Она тоже не сразу узнает меня.

— Это же Далабай, — подсказывает дедушка. Старушка ласково улыбается, спрашивает про знакомых, про родственников. Потом идет ставить самовар.

Дедушка Бекнур молча разглядывает свои мозолистые ладони и внимательно слушает меня. Нет у дедушки ни детей, ни внуков. Единственный сын погиб на войне.

Он вытирает полотенцем широкую, крепкую еще грудь, закладывает под язык шепотку насвая.

За юртой завывает ветер. Вихрь-озорник гонит облако пыли.

Я спрашиваю:

— Почему вы одни остались в голой выжженной степи? Ведь все чабаны давно откочевали?

Не сразу отвечает дедушка Бекнур. Теревит по привычке бороду. Встает и семенит к двери. Выплевывает табак. Потом набирает воды из чайника, полощет рот.

— И овец далеко гнать на выпас, — продолжаю я. — Сколько хлопот вам прибавилось.

— А что делать? — Дедушка хмуро косится на потолочный круг. — Видишь, где устроились эти щебетуньи? Птенцов вывели. В новолуние, думаю, полетят пискуньи. Не мог же я разобрать юрту, рушить ласточкино гнездо. Вот и сижу теперь.

Старик чуть улыбается. Я знаю: он только говорит ворчливо, а на самом деле рад ласточкам и их крохотным птенцам. Нежность и доброта угрюмого с виду чабана меня поражают.

Старушка вносит самовар. Он жарко дышит, отдувается. Мы пьем густой чай со сливками.

После полудня я вновь отправляюсь в путь. Долго сопровождают меня, ликующе вереща, две ласточки.

Ровной рысью идет мой конь. Я думаю о старом орле, о добром дедушке Бекнуре, о двух неутомимых ласточках, свивших гнездо в одинокой чабанской юрте в степи.

Нет ничего дороже на свете родной земли и родной природы.

БАЙГА

— Гони! — раздался резкий окрик.

Далабай сжался в комок, припал к гриве коня. Десять скакунов разом сорвались со стартовой линии и понеслись галопом.

Керкиик — опытный скакун. Он знает: если наездник приник к гриве и ослабил поводья — нужно скакать во весь опор.

Земля стремительно уплывала назад. Дробно цокали, лопотали копыта. Цок-цок, лоп-лоп... Будто черные смерчи помчались по рыжей степи.

В клубах пыли Далабай сначала ничего не разглядел. Он вспомнил наставления отца, старого наездника: “Смотри, наглотается конь пыли — быстро выдохнется”. Далабай круто повернул в сторону.

У-ух! Наконец-то вырвался.

Еще минуту назад кони шли плотной, тесной группой, а теперь растянулись длинной журавлиной стаей. Керкиик скакал посередине.

Далабай с шести лет скачет на лошадях. Сейчас ему уже десять. Наловчился. Знает толк в лошадях и верховой езде. Он легкий, как пушинка, и цепкий, как клещ. Потому и доверили ему скакать на Керкиике, защищать честь всей округи Каратау.

Маленькому наезднику известны два вида скачек. Первый — скачки по кругу. Скакуны мчатся в широкой, открытой степи вокруг заранее расставленных отметок. Зрители могут наблюдать за состязанием от начала до конца. Вся борьба видна как на ладони. Такие скачки называются у казахов айналма-байга.

Второй вид — скачки напрямик. Коней собирают далеко в степи и пускают в сторону аулов. В таких случаях зрители не видят скачек. Они могут любоваться лишь их концом, узнать, кто пришел первым. Айдама-байга — так называются эти скачки.

Сегодня проводилась айналма-байга. Скакали пять кругов, по шесть километров каждый. После тридцати километров — конечная черта. Финиш!

Далабай так волновался, что и не заметил, как кончился первый круг. На холме восторженно кричала толпа. Мальчик пристально посмотрел вперед. Стрелой мчался темно-рыжий. За ним — вороной из города. Его еле видно было в густой пыли. Остальных скакунов Керкиик оставил позади.

Далабай перекинул густую гриву на другую сторону. Приятно коню, когда встречный ветер обдувает потную шею. Слегка натянул повод. Надо вовремя попридержать разгорячившегося скакуна. Перевести на размеренный, плавный бег. Иначе он быстро запарится и сойдет с пути.

В конце второго круга один из скакунов догнал Керкиика. Кони шли голова в голову, бок о бок, касались крупами. Но Керкиик так и не дал себя обогнать. Он вытянулся весь и летел птицей над степью.

Далабаю опять вспомнился отец. Он большой знаток лошадей и готовил их для скачек. Нелегкое это дело — скакуна выхаживать. И забот и хлопот много. Пощупает отец подгрудок коня и сразу все знает. “Ну,— говорит он Далабаю,— сегодня ты перестарался. Смотри, как конь тяжело водит боками. Не скачи как безумный. Эдак коня утратишь”. Иногда отец говорит совсем непонятно. “Сегодня у коня выступил грязный пот. Завтра выжмем чистый”. В другой раз озабоченно заметит: “Вот раздышит конь легкие, тогда и на выстойку поставим”. Накануне скачек отец и вовсе покоя не знает. Поднимается в полночь. Проголодавшемуся на выстойке скакуну дает хорошо протваренный ячмень. Потом окатывает его студеной водой. Потом растирает грубой холстиной. Расчесывает гриву, хвост. Прилаживает узду, повод...

Утром отец сказал:

— Конь так и просится в байгу!

Далабай все понял. Отец вообще немногословен. “Конь не подведет. Теперь все зависит от тебя” — вот что означали слова отца.

Далабай достал из-за пояса штанов платок. Подтянулся, крепко держась за гриву, глаза коню вытер. Тяжело скакуну, когда соленый пот заливает глаза. Пот струится и по бокам, пощипывает, жжет голые ноги всадника.

Заканчивался третий круг.

Еще ни разу мальчик не ударил Керкиика плетью.

Хорошо идет скакун — легко, ровно. Ветер свишет в ушах. Грива развевается, хлещет по лицу. Керкиик стремительно настигал темно-рыжего.

Тот был весь в мыле. Скакал грузно, из последних сил. Тяжело всхрапывал. Сразу видно — плохо подготовлен конь для скачек. Мало простоял на выстойке. Помнится, так было и с Керкииком, когда он впервые участвовал в байге.

Наездник, совсем еще мальчишка, огрел темно-рыжего плетью. Потом еще ударил. Еще... Еще. Он не хотел, чтобы его обогнали, и хлестал коня нещадно. Кони шли на последнем дыхании. Темно-рыжий надсадно дышал, ронял хлопья пены. Далабаю жалко его стало. Даже в сердце кольнуло.

И вдруг...

Раздался треск, будто лопнуло что-то. Далабай в испуге зажмурился. Неужели подпруга порвалась? Проскакав сгоряча еще немного, он наклонился, посмотрел. Подпруга была цела. Отставая, темно-рыжий задел боком стремя. Подпруга ослабла, и седло заскользило взад-вперед.

Как же быть?

Впереди еще три круга. Остановить скакуна нельзя. Тогда все сразу обойдут его да еще в пыли оставят. И продолжать скачки на скользком седле невозможно: и коню неудобно, и сам не удержишься, слетишь. Надо подтянуть подпругу на всем скаку. Тут нужна ловкость и сноровка.

Далабай зубами вцепился в повод. Осторожно наклонился. Достал конец широкой подпруги. Чуть-чуть, пальца на четыре, отпустил ее еще. Потом резким рывком застегнул застежку выше прорвавшейся дырки. Седло сразу укрепилось.

Маленький наездник успокоился. Повеселел. Но Керкиик за это время сбился с шагу, сбавил скорость. Далабай понимал — сам виноват. Не надо было так тесно сближаться с темно-рыжим.

А байга разгоралась. Все стремительней скакали кони. Казалось, буря безумствовала в степи. Другие скакуны настигали Керкиика. По-прежнему шел впереди вороной из города. Он оторвался на полет стрелы. Если не догнать его сейчас, потом будет уже поздно. И тогда...

Далабаю даже представить было страшно, что будет тогда.

Все хлопоты и надежды отца, все старания Далабая окажутся напрасными. Как он посмотрит тогда друзьям в глаза? И Керкиику не будет больше удачи. Горький комок подкатил к горлу мальчика.

И тут он впервые хлестнул коня плетью. Толпа на холме в неистовом реве снова откатилась назад.

Вороной мчался впереди без удержу. Это был знаменитый скакун. “Крылатый дух байги” — так говорили о нем в аулах. Сам хозяин, рослый, крупный джигит, гордо восседал в седле. “А не тяжело коню будет?” — спросили перед байгой старики. “Что вы! — махнул рукой джигит. — Вы разве не знаете, какой он выносливый! У него хребет железный. Не могу же я такого скакуна доверять мальчишкам-сосункам”. Самоуверенный малый. На других скакунов и смотреть не стал. Только посмеивался в черные холеные усы. Что же... Вороной действительно хорош. Быстроногий, сильный. С самого начала байги идет впереди.

Удар плетью подстегнул Керкиика. По телу его пробежала дрожь. Ветер туго ударил в грудь. Далабай едва не задохнулся. Он отпустил поводья. Между ушами Керкиика видел он, с какой яростью мчится впереди скакун. Но расстояние между ними сокращалось. Всадник уже слышал топот копыт вороного, и пыль из-под ног его била в лицо.

— Ну, поддай, милый! Давай, родной! — подбадривал юный наездник своего любимца.

Керкиик достигал вороного. Долговязый джигит сидел в седле прямой, как кол, и руки-ноги его болтались, будто у тряпичной куклы. Конечно, грузноват он для скачек. Напрасно не послушался стариков. “В долгой байге даже поесть коню в тягость”, — бывало, говорил отец. И еще он посмеивался над скачками на городском ипподроме: “Это не байга, а глупая забава. Лошадки малюсенькие, тощие. А всадники — гяжеленные дяди. Трясет их в седле, словно мешок с картошкой. Бедных коняг едва хватает на один круг. Лишь начнут скачку — и уже конец. Смотреть не на что. Только людей смешат и коней позорят”. Наверное, этот долговязый на вороном тоже привык к городским состязаниям. Байга в степи — это совсем другое. Она под силу лишь скакуну из скакунов. Долог его путь, стремителен бег.

И нет на свете красивее зрелища степной байги!

Ух-х! Обошел-таки Керкиик вороного.

Оставался еще один круг. Последний и самый трудный.

Топот скачущего коня звучит как музыка домбры. Красив конь! Стелясь над землей, далеко закидывает ноги. И бег его похож на радостный полет птицы. Далабай едва не соскальзывает с седла. Пальцы судорожно вцепились в гриву. Он уже не подгоняет коня плетью. Мальчик весь в его власти. Скакун — во власти бешеного намета.

Близится полдень. Солнце печет. В степи наперегонки мчатся смерчи. Из-под копыт испуганно взлетают жаворонки: фр-р!.. фр-р!..

Уже видна конечная черта. Склоны холма черны от людей. Собрались и конные, и пешие. Все с нетерпением ждут победителя. Сердце наездника радостно забилось. Видит ли его сейчас отец? Где он? Галдят мальчишки на стригунках. В руках у них белые платки. Это коноводы. Они должны водить скакунов после байги. Ведь нельзя сразу остановить взмыленного, разгоряченного коня. Его нужно долго водить под уздцы, чтобы он остыл, успокоил дыхание.

Вот она, конечная межа!

Степь гудела. Толпа качалась, кричала, ликовала. Подбадривала победителя. Радость охватила Далабая. Ему казалось, что он летит на крылатом коне-тулпаре, воспетом в песнях и сказках. Звездой падучей пронесся Керкиик мимо холма.

Ура-а! Он победил в байге! Он выиграл первый приз!

Никогда еще не был Далабай так счастлив, как сегодня. Мальчишка-коновод поскакал рядом, принял из рук Далабая повод, повел Керкиика. Далабай опустил на траву. Ноги затекли от долгих скачек. Все вокруг покачнулось, поплыло перед глазами... Скакуны, распластавшиеся над степью... Руки, напряженно державшие поводья... Клубящаяся пыль...

Подбежал отец. Подхватил сына на руки. Подкинул, будто шапку-ушанку. Он был взволнован. Голос его дрожал.

— Жеребенок мой! — ласково бормотал он. — Достойный потомок предков наших славных!

ДЕДОВСКОЕ РЕМЕСЛО

1

Аул наш притаился, казалось, в самом дальнем и тихом уголке необъятного мира. Утро. Накатанный горб проселочной дороги освещают жидкие лучи раннего солнца. Над трубами еще окутанных дремотой глинобитных домишек, лениво поднимаясь к небу, чуть струится дымок. То там, то здесь слышится лай собак, откуда-то издалека доносится конское ржание. Вот уже поднялась мать маленького Али, бродит невдалеке, собирая в старенькое ведро сухой кизяк...

Просыпается аул. Глухо шелкая копытцами, высыпают из загонов овцы. Вслед им несется привычное покрякивание пастуха-старичка. Он трусит позади стада, маленький, сгорбленный, ни дать ни взять — мужичок с ноготок. Его сухонькое тело сотрясается от криков и надрывного кашля.

Али встал раньше всех. Пригрелся у завалинки на ласковом утреннем солнышке, притих. На босую его ногу опустилась бабочка. От ее легкого прикосновения и еще от чего-то Али вздрогнул.

— Али-и-и! — услышал он тонкий, оглашающий округу пронзительный голос бригадира.

— Али-и-и!

— Ау-у!

— Ты все еще спишь, негодник? Эй! Пригони коня. Да смотри не садись, холку собьешь!

Али сорвался с места, помчался в степь. Сухая полынь с хрустом ломалась под ногами, колочки ковыля оцетинивались иглами. Но это совсем не страшно для Али. Он бежит, подминая дубленой подошвой иглы ковыля и полыни.

Ну и строптивая лошаденка у бригадира, так и норовит удрать. Стреноженная, а прыгает — не догнать. Али измучился; горький запах полыни щекочет ноздри, лоб и глаза заливают пот, перехватило дыхание. Наконец накинуд уздечку. Но не тут-то было! Только что лошаденка изошрялась в прыжках, а теперь — ни с места, заартачилась, и все тут. И как эту норовистую тварь дотащить теперь до аула?..

Ременный повод режет плечо, Али кажется, будто он на

себе тащит клячу. Шаг, второй, третий... Эх, было бы столько силы, чтобы раскрутить эту дохлятину над головой и забросить куда глаза глядят вместе с поводом. Еще лучше взобраться на лошадь да и показать ей свою власть — погнать изо всей силы до самого аула! Но тогда уж не жди пощады от долговязого бригадира. А... была не была... Вскочил на сухой хребет клячи, галопом влетел в аул. Ну и скотина: кишки вымотала, душу вытрясла!

Навстречу, зажав под локтем камчу, — бригадир. Глаза, как угли, готовые прожечь насквозь. Шея вытянулась, как у жирафа, туда-сюда ходит кадык. Сорвав одной рукой Али с лошаденки, заорал:

— Ах ты, отродье! Значит, переломишься, если пешком пройдешь!

Никто не заступился за Али. И люди, и эта до пепла выжженная солнцем дорога, и само светило в вышине небес, все, казалось, безучастно было к его судьбе. Каждый день для него начинался с придинок бригадира...

Много мужчин аула, из каждого дома, ушли на войну. Пока вернулся назад этот один долговязый. Вот и хозяйничает над вдовами, стариками и детьми...

Сгорбившись, втянув голову в плечи, Али рысцой побежал к краю аула, откуда доносился звон наковальни: шын-шын-шын... гуф-гуф-гуф... .

Из покосившейся трубы, из настежь распахнутых дверей кузницы валит дым, взметываются искры раскаленного железа и угля. Каждое утро, как по часам, по отрывистым ударам молота аульного кузнеца вставали жители поселка. Поспешно вскакивали с постелей, спешили по своим делам.

К старенькой кузнице спешат люди. Арбакеш¹ Бейсемби прикатил колесо от телеги, на котором лопнула шина. За ним — Бажан, самая проворная молодуха. Просит отбить кетмень. А старый Акылбек, тот, что забывает обо всем на свете, если заведет разговор об охоте, хочет, видно, починить капкан. Оседлав лошаденку, едет в поле бригадир. Впереди его трясют на работу бабы...

Когда Али подошел к дверям кузницы, забылись все обиды. И всегда так. Стоило только подойти к этой поко-

¹ Арбакеш — возчик, погонщик арбы.

сившейся избушке, увидеть хлопочущего у горна кузнеца с развевающимися ключьями спутанной бороды, как начинало стучать сердце! Старый чародей вмиг завладевал всем его существом. Жарко становилось от одного желания сделать хоть что-нибудь здесь полезное.

— А-а! Алижан! Не топчи порог, проходи, — обрадовался старик, заметив застывшего в нерешительной позе мальчишку. — Долго же ты спишь, браток! А я, смотри, уж сколько сделал. Огонь, будь он неладен, гаснет. Давно бы все закончил.

Осторожно переставляя ноги, как слепой, Али подошел к кузнецу. Шутки плохи — земля раскалилась у горна, а если хоть одна искра из тех, что с шипением разлетаются из-под молота, попадет на босую ногу, считай — пропало. Вокруг — чудеса! Вон колесо огромное, в кучу свалены вилы, по стенам развешаны серпы. По правую сторону от двери — огромный остов заржавленной телеги. То большое колесо, видимо, для нее и приготовлено...

— Сынок, — слышит Али, — нажми-ка на мехи, опять в горне погасло. Уголь плохой дает бригадир, шайтан его побери!

Али радешенек — рот до ушей. С готовностью подналег на ручки мехов. Пламя заплясало, опаяла жаром лицо. Мелкие бусинки пота выступили на лбу. Мальчишка, словно соревнуясь в пляске с огнем, припрыгивая и приплясывая, качал мехи, сопя и захлебываясь от удовольствия.

Старый Акылбек несмело протиснулся в кузню, всплеснул руками:

— Вот это Али, видали мальчика! Сам сморчок с кулачок, а делу-то вишь как помогает! Да ты, аксакал, здорово-то не надейся на него. Думаешь, отблагодарит? Эх, это не то, что мы, старое поколение... Ты, мастер, посмотри-ка мой капкан — сторожок отскочил, враг его возьми. Здесь и дела пустяк. Вот тут еще приварить, и все.

— Возни с твоим капканом порядком. Завтра сделаю. Сегодня инвентарь готовлю для работы в поле.

— Эй, курдас-ау!¹ Ты посмотри, тут работы — кот наплакал. Что это для такого мастера, как ты, — пустяк!

¹ Курдас — сверстник.

— Ты что же, Акылбек-ау, думаешь, всем, как тебе, только и дела, на следы архаров любоваться? Ведь урожай поспел! С твоим капканом возни — пропасть. Да погоди, не тяни, только оторвешь.

— Ах, браток, мы с тобой одних лет — тебе ли не понять меня: во сне охота снится. Даже с бабой поругался, ничего не понимает, пустая голова.

— Алижан-ай, подправь уж ты ему капкан. Не даст ведь он покою.

Али — со всех ног к старому Акылбеку. Вырвал у того из рук капкан, бросил сбоку на наковальню и давай что есть силы лупить по нему молотком. Акылбек испугался:

— Осторожно, ломаешь! И что ты-то, старый, доверяешь малому? Да я же за этот капкан прошлогоднего барашка отдал!

Хотел Али от досады бросить ему капкан обратно, только перед мастером неловко, стерпел уж. Долго возился, наконец приделал сторожок. Акылбек подхватил капкан, помчался из кузни и поблагодарить забыл.

— Нажимай, нажимай, сынок! Железо, оно огонек любит. Привыкай понемножку, толк будет. Это тоже уметь надо, не всякому дается. Я с малолетства обучен. В те времена кузнец считался большим человеком. А сейчас что? Все учатся, только и видишь ребятишек с книжками, толстенными, как Коран. Про труд забывают. А труд, дорогой, единственное спасение от беды-напастей.

Пот струйками стекал со лба, с висков за воротник, шекотал шею, спину. А старик все подбрасывал и подбрасывал в горн угля. Уголь, не успев коснуться огня, освещался пламенем. Голубенькая рубашка Али, которую мать ему только вчера постирала, стала похожей на передник старого мастера — вся в саже, в черных полосах.

А старик ритмично бьет по железу молотком и еще не остывшие куски металла подхватывает голыми руками, кидает в кучу у двери. Али оторопело, разинув рот, смотрит на мастера, глазам не верит. Огненно-красные бруски железа, описав дугу в воздухе, падают рядом с другими, уже почерневшими. От них поднимается клубами густой едкий дым. Железо долго чадит, шипит, попыхивает и постепенно стихает.

— Удивляться нечему,— словно продолжая давно начатый между ними разговор, произносит старый мастер.— Руки никогда не обожжешь, если быстро работаешь. Да мои-то ладони уже дублеными стали, ничто не проймет. Это у вас ладони, как губы у баб,— пухлые да мягкие. Ну, ничего, обвыкнешь и ты, такими же и твои станут, как мои.

Казалось, старик душу выкладывает перед Али. Смирненное молчание мальчика подбадривает его, и он говорит и говорит. В такт словам берет откованные грабли, серпы, лопаты и сбрасывает к двери. Уже целый ворох набрался их. Али невольно любуется мастером: острые лопатки ходуном ходят под рубахой, перекатываются под кожей мускулы оголенных рук. Лицо, заросшее бородой. В густые усы, словно серп, острым концом уткнулся крючковатый нос. Рассказывая о себе, в иных местах старик смеется, открыто, заразительно, при этом тело его сотрясается мелкой дрожью, а глаза, кажется, мечут искры.

— Эй, красавицы, забирай свой инвентарь! — кричит старик весело.— Здесь уж повернуться негде. Да и мы с Али намучились порядком с вашими вилами да серпами!

Мастер и его юный друг выходят на улицу, присаживаются на землю в тени старого дома. Зной здесь не меньше, чем в кузнице. Воздух горячими волнами обдаёт лицо, поднимаются к небу и убегают, растаяв за чертой горизонта, песчаные смерчи. Вон невдалеке виднеется и домишко, где живет Али со своей матерью — тихой, болезненной женщиной. Сейчас она хлопочет у очага, варит мыло. Коровы разбрелись по выгону, норовят повернуть в аул...

Старый мастер долго сидит молча, поворачивая туда-сюда и разглядывая свою широченную черную ладонь. Расчесал длинными пальцами бороду, сплюнул в сторону, заговорил:

— Считаешь, что я устал. Значит, по-твоему, пора бросать мне свою кузницу. А я-то думал, что ты сообразительный малый. А ты, выходит, думаешь так же, как все. Нет, я еще из ума не выжил. Ты меня там со всякими Акылбеками не равняй...— Мастер умолк, не найдя нужных слов. И, помолчав, добавил:

— Послушай, что я скажу: нет мне жизни без молота,

без наковальни. Только смерть разлучит с ними. Так, считай, на роду написано.

Али слушает и не слушает. Его разморило. Яростно расчесывая коленку, спрашивает:

— Дедушка, а могли бы вы выковать, ну... трактор?

— Да-а,— в раздумье говорит старый кузнец.— Мощная машина, в ней сила многих лошадей. Сложная очень. И как только можно додуматься до такого, не понимаю, не иначе, по книжкам. Тебе тоже, Али, учиться надо. Эх, понаделаете этих “черепак” — только гуд пойдет по земле. А чему смеешься? Понаделаете! На то вы и молодые. Война кончилась, теперь жизнь пойдет. А мое дело — наковальня и молот. Какой тут трактор, я бабам серпы да кетмени чинить буду...

Прошли, как караван в дороге, дни, похожие один на другой, из дней сложились годы. Наступила пора, когда Али стал собираться ехать в город — учиться. Старый мастер, бормоча что-то себе под нос, починил его кирзовые сапоги, прибил к подошве подковки и еще кое-где гвоздочки приклепнул “на всякий случай”. Обулся Али — ничего, прочная получилась обувь. Долговязый бригадир нехотя выделил стригунка, на котором увезут Али в город. Дед и его придиричиво оглядел со всех сторон. Подковал изрезанные камнями копыта, подправил хомут... Попрощались, как мужчины, ни словом не выдав волнения. Долго стоял старый мастер на дороге, смотрел затуманенными глазами вслед уезжающему в город Али.

2

Время что быстроногий тулпар в открытой степи: не заседлаешь — не догонишь. Вот и Али — студент института. Он изо всех сил старался не отстать в учении от своих сверстников. Много прошло через его руки мудрых книг, из которых получал полезные на всю жизнь знания. Как ни трудно было учиться юноше из глухого маленького аула, но и для него мир раздвинул свои горизонты. Но оттуда, почти из-за самой его черты, слышались Али постоянно, словно отсчитывающие бег времени, глухие удары молота старого мастера. И утрами казалось ему, что не заря, а пламя дедовского

горна полыхает над городом и, как диск раскаленной наковальни, всплывает над землей яркое солнце.

Далеко друг от друга и по-разному жили эти два человека. Но одно объединяло их — оба не могли и дня прожить без работы. Только если Али спешил познать премудрость старших, стать взрослым как можно быстрее, то старый мастер — наоборот. С утра до ночи, не зная устали, он ковал и ковал. Словно хотел трудом утвердить вечную молодость...

3

Окончились годы учения. Старая мать звала Али домой, хоть посмотреть на него. Приехал.

Свинцовые снеговые тучи космами свисали над аулом, прибывая к крыше вечерние дымки из труб. Единственный на краю села тополь обронил листья и стоял под ветром оголенный. На улице — ни души, даже дома казались безлюдными. На крыше каждого сарая — стожок сена, заготовленный на зиму. Черными точками показался вдаль возвращающийся с пастбища скот. Еще немного — и аул засуетится, покроется вечерним шумом: бряцанием подойников, мычанием коров, криком пастуха, лаем собак.

Дома не сиделось. Али отправился навестить кузнеца. По дороге встретил много знакомых, каждому задал один и тот же вопрос: как поживает старый кузнец? Никто не ответил ничего вразумительного. Отводили глаза, бормотали: “Э-э, старик, он, э-э...” — и умолкали, спеша распрощаться. Али не заметил, что к избушке старого мастера подбежал бегом. Сразу-то и не признал ее, со съехавшей набок крышей. Она, казалось, вросла в кучи серой золы, возвышающиеся вокруг. Ни стука молота, ни отзвука наковальни, ни всхлипывания горна. Сердце заныло в предчувствии недоброго...

Дверь открылась с трудом, заскрипев, словно жалуясь каждой шепкой на свою судьбу. Внутри сумеречно, тихо. Тянет холодом и смрадом...

— Кто там? — скрипуче, как старая дверь, спросил глухой голос. — Ты, бригадир? Неужто пришел? Дай работенку. Что, или лопаты и вилы перестали ломаться в колхозе, или им нынче износу нету? А я бы починил, все починил. Только вот силы не те, уходят от безделья.

Измаялся весь. Свет мой, дай что-нибудь починить, уважь!

Подбежал к деду Али, обнял его тщедушное тело, прижался лицом к грязной рубаше. Знакомый запах окалины, как в детстве... Комом подкатились к горлу слезы, застелили глаза. Старик сразу все понял. Гладит и гладит рукой по спине своего юного друга. Дрожащими губами шепчет:

— Алижан, душа моя! Я знал, что ты придешь! Сколько времени-то пролетело... А дед твой уж не тот, не тот. Устал без дела. Люди забыли дорогу к кузне. Даже кетменей не несут. Это все бригадир, прямо с ума спятил. Ни железа, ни угля не выдает. Увидит, кто идет ко мне, — гонит в РТС. Да мало того, распустил слух, будто я плохо вижу. А глаза у меня, слава богу, что надо. Неверит, пусть грабли принесет, зубья вставлю один к одному.

Али разглядел старого мастера: кожа да кости — живые мощи. Борода белая, что серебро, глаза запали в провалах глазниц. Только ладони все те же — сильные, твердые, тяжелые, словно литые из стали. Он напоминал чем-то одинокий старый тополь на краю аула.

— Сам знаешь, Алижан, — доверительно, как прежде, говорил старик, — не могу я без работы. Сидеть без дела — смерть для меня. Даже шипцов починить не дают...

Кому, как не Али, понять, что делалось на душе у старого мастера. Полный решимости, направился он в контору совхоза. Бригадиря прямо не узнать. Лицо, как круглая луна на облаках, складчатое, студенистое. Стоит независимо, утирается белым платочком. Отдувается, будто закипающий самовар. Видно, и сердце пошаливает, одышка.

Али рассказал, зачем пришел.

— Э, светик мой, — ответил бригадир, — старик-то того, из ума выжил! Ты просишь для него работы? Ха-ха-ха, — заколыхался, словно бурдюк, живот бригадиря. — Прошло, давно прошло время горна и мехов. Техника, автоматика, космос! А старик... сидел бы себе, дурень. Так нет, ноет. Вот и тебе, постороннему, можно сказать, не знаюшему положения дел в колхозе, ни за что ни про что нажаловался на меня. Ну, пока, мил человек, понимаешь ли, некогда. Дел невпроворот.

Али понял: не прошибешь бригадира. Только внешне он изменился, а внутри — все тот же. Ходил Али и в РТС — все без толку.

Когда вернулся к старому мастеру, тот снова принялся изливать горечь своей души:

— Скоро, ох скоро уйду из жизни. За все благодарен богу — за прожитое, за виденное. Одно плохо — лишился я своей кузницы. Только ты уехал, бригадир распорядился выгнать меня оттуда, велел содержать там волов. Осквернил место, где я всю жизнь проливал пот. Да-да, прошло то время, когда без моего молота не обходились люди. Бывало, спрашивали: “Кто ты?” Отвечал с гордостью: “Кузнец”. Всякий понимал, что это значит.

Старый мастер говорит и говорит, Али слушает своего учителя и друга.

— Думаешь, дома можно попробовать? Люди уж и дорогу забыли ко мне. Услышат стук молота, говоришь? И то правда.

Али снял пиджак импортного пошива, засучил рукава сорочки... Среди кучи остывшей золы раскопал наковальню, мехи. Весь следующий день приспособлял их в глинобитных сеньях деда. Тот стоит, гордый. Поковылял в избу, вытащил старый, весь в ржавчине молот. Руки его, покрытые сетью синих вен, дрожали, в глазах светилась жизнь...

В ГОСТЯХ У ДЯДИ

Земля истрескалась от зноя и жажды. Вдали зыбится причудливое марево. Древняя гора Каратау горбится у горизонта, словно верблюд, освещенный костром. Хребты и увалы, окутанные маревом, то приближаются, то удаляются. С севера стремительно надвигаются пыльные смерчи. Они несутся с гулом, грохотом, точно конница с победным кличем. Да-а... на том плоскогорье, сливающимся с пустыней Атрабата, в знойное лето вперегонки скачут лишь шальные вихри. Еще отец, помнится, говаривал, что в этом краю обитает нечистая сила. С той поры много воды утекло, а пыльные смерчи гуляют вольно, как и сотни лет назад.

“Эх, времена... времена!”

Шортанбай цокнул пересохшим языком, обрадовавшись, что доковылял, наконец, до своего глинобитного домика. Он неуклюже переступил порог, тяжело опустился на кошму, расстеленную на глиняном, политом для прохлады полу, прислонился к подпорке и привычно отшвырнул костыль к двери. Потом стянул непослушными, корявыми пальцами старую, замасленную тюбетейку, странным образом державшуюся на его шишковатой, бритой голове, вытер пот со лба и на шее и, развернув и встряхнув тюбетейку, вновь прилепнул на макушку.

Токбала, месившая в углу на выделанной шкурке тесто, досадливо чмокнула губами:

— Эдак на тебя тюбетеек не напасешься... Обращаешься, словно с карманным платком.

Шортанбай не ответил. Даже взглядом ее не удостоил. Посмотрел в открытую дверь, за которой раскаленный ветер гнал столб пыли.

— Слушай, где этот шалопай шляется. Я бы уже съездил в Карашенгель. В самую жару и коня загнать ведь не мудрено. Разве нынешние сорванцы понимают толк в лошадях? Все уши прожужжал: “В лавку съезжу... в лавку...” А тут еще ты встряла: чая нет, да шнурков нет...

Шортанбай исподлобья взглянул на Токбалу. Та как ни в чем не бывало продолжала месить тесто.